

В 829 г. в Париже синод (собрание местного духовенства) объявил, что духовная власть выше светской. Когда Людовик поссорился с сыновьями, папа Григорий IV взял на себя обязанности верховного судьи: незванный, приехал он из Рима на север в лагерь императора и потребовал примирения, при чем ясно дал понять, что виновным в раздоре считает отца. Приговор папы произвел сильное впечатление на воинов: большая часть ополчения покинула старого императора и вслед за папою отправилась в лагерь его сыновей. Людовика ожидало еще худшее унижение: в Суассоне он должен был отказаться от власти и перед собранием епископов принести покаяние в своих грехах.

Когда он признал за собою совершение убийств, клятвопреступлений и святотатств, епископы простили его и возвратили императорское достоинство.

Чаша баварского герцога Тассило, современника Карла Великого.

Внуки Карла Великого: Лотарь, Людовик Германский и Карл II Лысый, не сумели удержать единство империи. Младшие братья, Людовик и Карл, не хотели повиноваться старшему, обладавшему императорским титулом. Заключая между собою союз, Людовик от имени восточных франков и других зарейнских германцев и Карл от имени франков западных, галльских, съехались в г. Страсбурге и, в присутствии своих вассалов, громко произнесли клятву взаимной верности. В то время, как Карл говорил перед войском Людовика на германском наречии, Людовик обращался к войску Карла на языке романском (т. е. происшедшем

от языка римлян, латыни), так как западные франки, живя в течение 4 веков среди галлоримлян, утратили свою старинную речь и слились с туземным населением; единственной памятью германского их происхождения осталось новое имя Галлии, которая стала называться Францией, тогда как область их восточных единоплеменников, находившихся в среде чисто германских племен, саксов, баварцев и др., сохранила имя Германии. В 843 г. в Вердене между тремя братьями произошел раздел, в силу которого Лотарь был признан королем Италии, Людовик — Германии, Карл — Франции.

Папа, продолжая обращаться к военной помощи Каролингов, не сохранил и тени почтительности к франкским вождям. Вместе